

Мухаммад Риза Агехи

СВИДЕТЕЛЬ СЧАСТЬЯ

ШАХИД-И-ИКБАЛЬ

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ СЕЙИД МУХАММЕД РАХИМ-ХАНА

Рукопись ИВ АН С 572

(пер. З. Аксакова)

Текст воспроизведен по изданию: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М. Институт Востоковедения. 1938

События третьего года царствования

О мятеже йомутов и устройстве Мухаммед Мурадом-диванбеги, Мухаммед Якуб-мехремом и Мухаммед Ниязом-ясаулбаши укрепления около крепости Гази-абад и пр¹. Со дня восшествия на трон его величества (хана) и по сие время все туркменские племена считали для себя благом искреннюю службу этому вечному (хивинскому) государству. О своей стороны хан также по своему великодушию и снисхождению оказывал им особую царскую милость, принимая во внимание их давнюю службу. Он даже прощал некоторые их проступки и не утруждал их своим вмешательством. Однако некоторые аламанщики из йомутов, перейдя границы своей (земли), начали заниматься грабежом имущества и разорением посевов и жилищ соседнего населения, Сколько хан ни делал им снисходительных советов и наставлений, они все же, по своей полной невежественности, продолжали грабежи. Особенно усилились грабежи и разорение посевов населения в месяце раби II (1283 г. х.—июль 1866г.), в год барса. Наконец, хан решил для наказания мятежников закрыть воды Гази-абадского арыка под крепостью Гази-абад, чтобы лишить их воды для посевов. Кроме того, хан назначил для охраны (населения) отдельные отряды в крепости племен, живущих в тех краях. Затем он (хан) для наказания мятежников отправил в Гази-абад Мухаммед Мурада-диванбеги, Мухаммед Якуб-мехрема, Мухаммед Нияза-ясаулбаши и Абд-ур-Рахмана Суфи-топчибаши с одной пушкой, группой фальконетчиков и отрядом войск. На основании ханского приказа, в субботу 13-го дня месяца джумади I (1283 г. х. — воскресенье 23 сентября 1866 г.) они выступили из Хивы и прибыли в крепость Гази-абад. В одном удобном месте, к юго-западу от этой крепости и западу от посевов населения, которые находились недалеко от йомутского скопища и состояли большей частью из риса, они вырыли укрепление (сенгир) и поместили там пушку вместе с фальконетами и войсками. В целях охраны посевов они ежедневно высылали отряды войск, которые вступали в бой с йомутскими мятежниками и не позволяли им собирать жатву. Временами они посылали на скопище йомутов храбрых богатырей, которые, совершая смелые нападения, громили мятежников. Иногда многочисленная толпа йомутов подходила близко к укреплению (хивинцев) и боевыми криками вызывала на бой. Отважные богатыри (хивинцы), выходя из укреплений, вступали в схватки. Разгромив мятежников и преследуя их до самого их становища, они многих из них убивали и отрубали им головы. Йомуты, не желая быть

¹ Заглавие сокращено.

опозоренными, ежедневно всей конницей в боевом порядке вступали в энергичные схватки (с хивинцами). Не будучи в состоянии что-либо сделать, они снова терпели поражение. (Наконец), мятежники окончательно расстроились и решили ночью напасть на окопы (хивинцев) с тем, чтобы в темноте ночи создать шум и смятение и этим что-либо выиграть. Все они (мятежники), конные и пешие, однажды ночью подошли к укреплениям (хивинцев) и, окружив их со всех сторон, стали приближаться ко рву. Как только об этом узнали диванбеги и военачальники, они отдали приказ, чтобы все храбрецы сели на коней и были готовы к схватке. Артиллеристы и фальконетчики со всех сторон направили свои орудия и фальконеты в сторону колонн неприятеля и так палили, что кровь (мятежников) лилась как ручей и смешивалась с черным прахом. Оставшиеся в живых мятежники по своей невежественности стали снова наступать и, самоотверженно бросившись со всех сторон ко рву, проявляли большое усилие и упорство, однако, ничего не добились. Большинство их легло убитыми и ранеными под пушечными и фальконетными ядрами (стихи).

Словом, в тот вечер мятежники упорно бились до зари. К утру они потерпели поражение и, разбитые, ошеломленные, отступили. В следующую ночь (мятежники) для ночной атаки подошли к укреплению и стали биться ожесточенней прежнего. Но опять ничего не будучи в состоянии сделать, потеряв больше прежнего и, не выдержав огня артиллерии, они с позором обратились в бегство и кое-как добрались до своего стана. После этого, не осмеливаясь подойти к укреплению, они стали вести бой с дальнего расстояния. Храбрецы (хивинцы) так же, во множестве выходя из укреплений, нападали на врага и своими контр-ударами наносили ему ущерб. В таком виде положение оставалось в течение четырнадцати дней. После этого Мухаммед Мурад-диванбеги, на основании ханского приказа, вернулся к хану, а Мухаммед Якуб-мехрем и Мухаммед Нияз-ясаулбаши остались в укреплениях и в течение шестнадцати дней вели такие сражения, что не давали возможности йомутам выходить из своего становища и, в конце концов, сломали их сопротивление. Знать йомутов, видя, что настойчивость и храбрость Мухаммед Якуб-мехрема является невиданной и что, воюя с ним, рассчитывать (на победу) нельзя, а, наоборот, можно лишиться родины и быть уничтоженными, поневоле повесили сабли на свои шеи и с беспредельным стыдом явились в укрепления к Мухаммед Якуб-мехрему и к Мухаммед Ниязу-ясаулбаши, прося о пощаде.

Они (мятежники) заявили: “Зная твое человеколюбие, мы явились к тебе с раскаянием по поводу совершенных нами многочисленных мятежей и возмущений. Теперь мы всецело зависим от тебя. Делай с нами, что хочешь. Наша просьба к тебе заключается в том, что, имея (за собой) множество преступлений, мы боимся явиться к его величеству (хану), стыдясь за свои поступки и опасаясь его царского наказания. Будь ты заступником за наши преступления и поведи нас к нему. Проси прощения у его величества за все содеянные нами проступки и погрешения. Все йомуты готовы отобрать у своих воров и разбойников весь скот и пленников, взятых ими при нападениях на население богохранимого государства, и вернуть все это. Какую бы хан нам службу ни повелел, какое бы дело нам ни поручил, мы исполним это с большим усердием и самоотверженностью, чем кто-либо другой. Это обещание и заверения мы подтверждаем клятвой и религией”.

Якуб-мехрем и Мухаммед Нияз-ясаулбаши составили письмо, соответствующее смыслу этих слов, и послали его к хану. Получив (затем) разрешение хана, они заняли место впереди йомутских старшин и вышли из окопов (направляясь в Хиву). Для несения охраны они из предосторожности оставили в окопах правителя Гази-абадской крепости, Рамика-юзбаши, Абдур-Рахмана Суфи-топчибаши с пушками, фальконетами и отрядом войск. Затем, отправившись в путь в четверг 16-го дня месяца джумади II (1283 г. х. — пятница 26 октября 1866 г.), они прибыли (в Хиву). Они (Якуб-мехрем и Мухаммед Нияз-ясаулбаши) привели с собой

заложников ошакского отделения йомутского племени, которые не принимали участия в возмущении вместе с остальными йомутами и не присоединялись к ним, а стояли в стороне и (даже) посылали своих конных на службу в окопы Якубу-мехрему, оказывая (ему) помощь своей поддержкой и дружелюбием. Йомутская знать, (осознав) свою слабость, смиренно явилась к хану с мольбой и раскаянием, прося его о прощении. Хан, по своему великодушию и милосердию, принял их раскаяние и обласкал их своей царской милостью. (После этого) йомутские старшины, пробыв еще несколько дней в городе, в начале месяца раджаба, в четверг (1283 г. х. — пятница 9 ноября 1866г.) обратились к хану с просьбой о том, чтобы он разрешил им взять с собой Мухаммед Якуб-мехрема и сделать его их военачальником и доверенным. Они обещали, что, после того как вернутся вместе с ним к йомутам, обследуют их аулы и, в случае, если там окажется какое-либо (хивинское) имущество, скот или пленные, они все это отберут и передадут ему, Мухаммед Якуб-мехрему, и все, что он прикажет им, они исполнят. Его величество удовлетворил их просьбу и приказал Мухаммед Якуб-мехрему отправиться с ними вместе. На основании высочайшего приказа, Мухаммед Якуб-мехрем в тот же день присоединился к йомутским старшинам и отправился к их племенам на границу Кирпечли, Муз-кумгана и Ак-сарая. Прибыв туда, он начал строго осматривать их аулы и стойбища и отбирать захваченное имущество, скот и пленников. В течение двадцати дней он занимался розыском и изъятием имущества, скота и пленников, после чего опять вернулся вместе с йомутской знатью в Гази-абад, где расположено было в окопах войско, артиллеристы и фальконетчики. (Тут) он разрушил укрепления (сенгир) и, забрав все войско, артиллеристов и фальконетчиков, в среду 21-го дня месяца раджаба (1283г. х. — четверг 29 ноября 1866 г.) вернулся в (Хиву) и был осчастливлен царской милостью. После семидневного пребывания и отдыха их в городе хан (опять) отправил Мухаммед Якуб-мехрема вместе с йомутскими старшинами к йомутам, проживающим в окрестностях Ташауза и Ильялы, с тем, чтобы они у здешних разбойников также отобрали скот и пленников и передали их владельцам. На основании (ханского) приказа, Якуб-мехрем в пятницу, в конце месяца раджаба (1283 г. х. — декабрь 1866 г.), в сопровождении йомутской знати направился в сторону Ильялы.

Вступление йомутских мятежников на путь вражды и сопротивления, своеволие и насилие их над жизнью и имуществом (хивинского) населения.

В этой книге прежде было уже описано, как некоторые старшины племени (йомутов) явились к хану с горестью и раскаянием и дали клятвенное обещание возратить имущество, скот и пленных, захваченных у населения богохранимого государства. Для этого они выпросили у хана Мухаммед Якуб-мехрема с тем, чтобы сделать его своим доверенным и начальником. Взяв его (Мухаммед Якуба), они отправились к йомутам, проживающим на границе Ак-сарая и Муз-кумгана. Собрав здесь часть пленников и имущества, они (старшины йомутов) вместе с Якуб-мехремом доставили все это в (Хиву). После этого они, в сопровождении Якуб-мехрема, снова отправились в Ильялы, чтобы здесь также собрать имущество и пленных. (Здесь) Мухаммед Якуб-мехрем настойчиво и сурово занялся поисками имущества — скота и пленников среди йомутов. В это время злоба йомутских мятежников взяла верх, и они стали уклоняться от выдачи имущества и пленников, начали торговаться и требовать большую сумму за каждого пленного. В конце концов Мухаммед Якуб-мехрем возвратился в сопровождении части йомутский знати в (Хиву) и довел до сведения хана об их претензиях. Дерзкие слова йомутских старшин тяжело подействовали на хана, и он отправил их ни с чем. Они (йомуты), обиженные и опечаленные, вернулись в свои аулы (оба) и, возбужденные огненными словами своих прирожденных злодеев, опять предались мятежным настроениям, и все вместе

присоединились к аламанщикам и стали заниматься разбоем и грабежом. Словом, они (йомуты) каждую ночь выезжали группами из своих аулов (оба) на дороги, нападали на проезжих, грабили их имущество и убивали. Мало того, они нападали на отдельные дома на окраинах селений, захватывали здесь имущество и скот и убивали людей. Положение в таком виде продолжалось с осени до весны.

События четвертого года царствования

Описание событий, случившихся в четвертой году царствования его величества (Сейид Мухаммед Рахим-хана) в год зайца (1283 г. х. — 1866 г.). (В частности) — прибытие в Хиву группы йомутских мятежников, во главе с Ата-векилем и Назар-векилей, которые раскаялись в совершенном ими мятеже, выразили свою покорность и получили от хана прощение и землю для поселения. В четверг 15-го дня месяца зуль-ка'да (1283 г. х. — 21 марта 1866 г.) солнце переместилось из созвездия Рыбы в созвездие Овна, и февраль уступил место марту. Зимняя мрачность сменилась весенней яркостью, наступил новый год, год зайца, соответствующий 1283 г. х. (1866г.). Первым событием этого года было то, что йомутские вельможи Ата-векиль и Назар-векиль вместе со своими подчиненными отделились от остальных йомутов и явились с поклоном к хану. Подробности этого события таковы: Ата-векиль и Назар-векиль, принадлежавшие к знати йомутов, долгое время вместе с аламанщиками из этого племени занимались грабежом имущества и уводом детей и населения богохранимого государства (Хивы). Своим грабежом и уводом детей они причинили много вреда. Продавая похищенных, они содержали этим свои семейства. Вследствие такого дурного поведения, положение йомутов крайне ухудшилось, потому что хан приказал лишить воды их пашни. Кроме того, они (йомуты) не могли бывать на базарах страны и покупать для себя зерно, одежду и другие необходимые вещи. Таким образом они (йомуты) оказались голодными и раздетыми, а если что и находили, то по необычайно высокой цене, так что некоторые бедные и неимущие из них погибли от жестокости голода (стихи).

В это время вельможи отделения орус-кошчи йомутского племени Ата-векиль и Назар-векиль поняли свои ошибки и заметили, что положение (мятежников), вследствие их недобрых поступков, день за днем все более и более ухудшается. Учитывая, что за эти поступки (йомуты) будут наконец наказаны и погибнут в изгнании от голода, Ата-векиль и Назар-векиль раскаялись в совершенных ими преступлениях и со всем своим родом в количестве около трехсот кибиток, ушли от мятежников. Подчиняясь голосу благоразумия, они после этого стали на путь преданности и в день нового года, когда хан справлял новогодний праздник в своем дворце в “саду”, в селении Инкарик, прибыли туда и просили у него прощения и земли для постоянного жительства. По своему природному великодушию и снисходительности хан простил их прегрешения и осчастливил их предоставлением земли на границе Наймана, в округе Беш-арыка (стихи).

О набеге йомутских мятежников на окрестности Хивы и о поражении, нанесенном им со стороны хивинского войска. Уже в течение некоторого времени йомутские мятежники совершали нападения на дороги, проникая с целью воровства в некоторые поселения и окрестностях Хивы, совершали налеты на дома и захватывали имущество. Хан по своему великодушию и милосердию посылал к невежественным мятежникам советников, делал предостережение и призывал их к покорности. Однако это на них не действовало, и они, продолжая мятеж и насилие, причиняли населению вред и разные обиды. Не довольствуясь даже этими возмутительными действиями, они собрались, наконец, в количестве около тысячи

человек конных и в ночь под среду 23-го числа месяца зуль-хиджа 1283 г. х. (28 апреля 1867 г.) отправились в набег. Двигаясь быстро, они прошли мимо селения Зей и на восходе солнца в среду появились в (районе) селений Таш-аяк, Рафенек и Катта-баг в окрестностях города (Хивы). Совершив здесь налет на земледельцев и на сборщиков дров, они забрали у них пятьдесят волов и лошадей (ябу)². Однако проникнуть внутрь селения они побоялись и поспешно отправились по той же дороге обратно. Достигнув равнины в песках между Корп-коли (озером) и Таш-аяком, они остановились с тем, чтобы дождаться здесь отставших по негодности своих коней. Тем временем весть об этом событии дошла до хана, вследствие чего он приказал, чтобы его приближенные Мухаммед Мурад-диванбеги, Мухаммед Нияз-диван-беги, Мухаммед Якуб-мехрем и другие военачальники, вместе с находящимся в их подчинении храбрым войском, поспешно отправились для преследования беглецов. Мухаммед Мурад-диванбеги с отрядом войск направился к селению Катта-баг, Мухаммед Нияз-диванбеги с (другим) отрядом отправился к Рафенеку, Мухаммед Якуб-мехрем с группой бойцов поспешно отправился к селению Таш-аяк. Мухаммед Мурад-диванбеги, который с отрядом войск отправился к Катта-багу, после того, как миновал Катар-тут, заметил, что йомуты стройными рядами стоят у края песков, на юг от озера Корп, в ожидании сбора остальных мятежников. Он (Мухаммед Мурад) приказал своему войску вступить с мятежниками в бой, а сам в сопровождении некоторых своих военачальников двинулся вслед за войсками. Храбрецы (хивинцы), которые давно жаждали битвы, быстро ринулись на ряды мятежников, в свою очередь также выступивших против них. Бойцы каждой стороны вступили между собою в схватку, и бой разгорелся (стихи). Бойцы (хивинцы) показали такое геройство, что поле битвы было наполнено отрубленными головами и трупами мятежников. Мятежники, не будучи в силах устоять против напора храброго войска, искали повод к бегству с поля сражения. Однако, боясь позора, начали маневрировать, то отступая, то наступая. В это время, в стороне от колонны мятежников, из песков неожиданно появился Мухаммед Нияз-диванбеги со своим отрядом войск. Увидев это, мятежники растерялись, в испуге расстроили свои ряды и пустились в беспорядочное бегство. Храбрецы (хивинцы), преследуя и догоняя их, убивали (стихи). В это время Мухаммед Якуб-мехрем, который с отрядом войск отправился было через Таш-аяк по дороге в Зей за поимкой мятежников, узнав об их поражении и бегстве, поспешно направился к мосту у озера Корп по дороге в Зей, имея в виду, что бегущие мятежники должны были проходить через этот мост. Достигнув моста раньше мятежников, мехрем привел войско в боевой порядок и стал их ждать. Путь в беспорядке отступающим мятежникам был отрезан. Храбрецы (хивинцы) встретили их ружейным огнем, мечами и пиками и достойно их наказали. В результате этого ожесточенного боя из трупов мятежников, поражаемых с двух сторон, образовались целые горы (стихи).

Видя, что их бьют с двух сторон и что путь спасения прегражден, а другого пути для бегства нет, мятежники поневоле бросились в широкий и глубоководный канал Зейкеш и низовья озера Корп, пытаясь перейти его. Бойцы (хивинцы) преследовали мятежников до самого берега реки, беспощадно избивая их. Многие из мятежников, подобно египетскому войску, потонули в глубокой воде. Некоторые из них, еле живые, переплыли реку и, в полном расстройстве и беспорядке, небольшими группами по пять, по десять человек, разбрелись в разные стороны, так что они все получили должное наказание за свои преступления. Храбрецы (хивинцы) перешли мост и преследовали мятежников до тех пор, пока те не перешли Зей, перебив и забрав в плен многих из них и завладев их конями, оружием и другим имуществом. Большинство мятежников бежало в пески у низовьев Зей и там погибло от жажды. Некоторые, спасшись бегством, едва добрались до своих аулов. В этой битве погибло более двухсот человек мятежников, не считая пропавших в пустыне и утонувших в воде. Что касается храбрецов

² Ябу — собств. рабочая лошадь, кляча.

(хивинцев), то из них пали лишь три человека, сраженные в пылу битвы пулей, неизвестно — чужой или своей. После того, как победоносное войско покончило с врагом и завладело его имуществом, оно собралось вокруг Мухаммед Мурада-диванбеги и других вельмож, находившихся в это время на краю пустыни. Мухаммед Мурад-диванбеги и все военачальники с победой и торжеством отправились обратно и в тот же день, в обеденное время, прибыли (к хану). Будучи чрезвычайно доволен таким исходом дела, хан осчастливил начальников и войско своими царскими подарками, одевши всех военачальников и вельмож в златотканые одежды. Тем из храбрецов, которые захватили пленных, хан выдал по двадцать золотых, доставившим головы (врага) по десять золотых. (Кроме того), хан наградил их златоткаными одеждами, поясами и ножами, украшенными разноцветными камнями, а также благородными арабскими конями (стихи).

Через шесть дней после этого события, в ночь на воскресенье, наступило новолуние, знаменующее собой начало месяца мухаррема (1284 г. х. — 5 мая 1867 г.).

Одиннадцатого дня этого месяца, в ночь под среду, все аламанчики из йомутов, желая смыть позор, собрались вместе и выступили из своих аулов. Проезжая краем песков, они в среду на заре прибыли к низовью Ак-яба, где захватили две-три лошади (ябу) и рогатый скот (карамал), после чего, боясь проникнуть в населенные места, остановились в нерешительности. Весть об этом дошла до приближенных хана и, на основании его приказа, вельможи и войско, находящиеся при хане, сели на коней и, во главе с Мухаммед Мурадом-диванбеги, отправились для отражения нападения мятежников. Ловкие и отважные храбрецы, идя впереди и настигнув противника у низовьев Ак-яба, совершили на него смелое нападение. После небольшой стычки (мятежники) начали отступать и, повернув постепенно обратно, потерялись в песках. Победоносное войско отправилось обратно в сторону города (Хивы). В этой битве из врагов погибло три-четыре человека, а из победоносного войска был убит родственник Ата-векиля Херзе-векиль. Хан, по своему великодушию, послал человека для соболезнования (родственникам убитого), а на расходы по похоронам и поминкам выдал большую субсидию, чем обрадовал родственников погибшего.

О назначении (ханом) Мухаммед Якуб-мехрема, Абдулла-мингбаши и Хавз Нияз-мехрема в крепости Ташауз и Ильялы. После того, как йомутские мятежники, прибыв для совершения налета на окрестности города Хивы, потерпели здесь большое поражение и разбитые отправились обратно, они больше не осмеливались решаться на такую дерзость. Однако вследствие жестокого голода и отсутствия средств к существованию, они стали беспокоить отдельные области, в особенности районы Ташауза и Ильялы. Его величество (хан), терпя их упрямство и дерзость и относясь к ним терпеливо из-за их прежней службы, не принимался окончательно за их уничтожение. Если бы хан пожелал лично выступить против них с войском, то это повлекло бы за собой двоякого рода последствия. Одно из них заключалось бы в том, что если бы это племя, по своей полнейшей невежественности, оказало сопротивление, оно со всеми своими детьми, женами и имуществом оказалось бы растоптанным и уничтоженным многочисленными (хивинскими) войсками; с другой стороны, могло бы случиться так, что они (мятежники), боясь ханского гнева и избегая истребления, могли покинуть родину и уйти в другие страны. Законы возвышенной нравственности и великодушия не допускают, чтобы создалось то или другое из этих положений. Кроме того, необходимо иметь в виду, что если вдруг случится война, то (весьма) возможно, что некоторые из (ханских) воинов могут получить ранения, что не может быть возмещено истреблением даже ста тысяч мятежников. Дело в том, что его величество хан не может равнодушно относиться к боли, причиняемой кому-либо из его воинов, даже от простого укола ноги. Кроме того, хан считал

неприличествующим его достоинству выступать с большим войском против этого племени, как против (серьезного) противника. Именно по этим причинам его величество находил неуместным выступление против этих мятежников и решил в каждой расположенной вблизи йомутов крепости поставить группу стрелков и войска для охраны имущества и посевов населения и пресечения различных насилий. Это делалось для того, чтобы мятежники, оставшись без хлеба и испытывая бедствия голода, взяли за ум и с раскаянием в своих преступлениях явились к хану просить прощения. Таким образом победа над врагом могла быть достигнута и без войны (стихи). Хан приказал поэтому своим надежным людям, чтобы взяли по одному бойцу от каждого десятого дома, а затем, собрав их в отдельные группы, направили бы с отрядом регулярных войск в пограничные крепости. На основании этого приказа, они (войска) выступили в путь, и каждая группа их явилась в крепость, по месту назначения и приступила к охране посевов пограничных жителей. Вследствие того, что Ташауз и Ильялы считались наиболее крупными среди пограничных крепостей и нападения на них со стороны мятежников случались чаще, для их охраны хан назначил Мухаммед Якуба-мехрема, Аб-дуллу-мингбаши и Хавз Нияз-мехрема с одной пушкой, отрядом войска и группой фальконетчиков. На основании ханского приказа, все назначенные в конце месяца мухаррема того же года (1284 г. х. — июнь 1867 г.) выступили из Хивы. Прибыв в Ташауз, они в течение некоторого времени занимались охраной посевов населения и отражением йомутских мятежников. Мятежники, не имея возможности подойти к Ташаузу, начали совершать нападения на окрестности Ильялы с целью нанесения ущерба посевам жителей. По приказанию хана, Мухаммед Якуб-мехрем, Абдулла-минг-баши и Хавз Нияз-мехрем перешли из Ташауза в Ильялы и энергично стали вести войну с мятежниками.

Прибытие бахшей и прочей знати йомутских мятежников к хану с просьбой о прощении; совершение набега скопищем мятежников на посевы жителей, переселившихся с границы Муз-кумгана и Ак-сарая; геройское сражение Якуб-мехрема с мятежниками. Не имея возможности заниматься земледелием и лишившись воды, йомуты очутились в весьма стесненном положении, страдая от голода. На какое бы племя и на какую бы крепость ни пытались они напасть, чтобы добыть себе хлеба, они всюду получали только ружейные и фальконетные пули. В конце концов, совершенно расстроившись, все они от мала до велика, все добрые и худые, явились к своему бахши и (сказали следующее): — “Вследствие жестокости голода и жажды, наше положение крайне ухудшилось, и на нашу голову выпала тяжелая участь. У нас нет другого выхода, как только явиться к хану с повинной и просить его о прощении и спасении нас от голода и нужды. Мы готовы выполнить все, что он прикажет. Ты (бахши) с несколькими другими старшинами отправляйся туда (в Хиву) и от имени всех нас, от имени великих и малых, заяви о нашем раскаянии в совершенных нами преступлениях и проси нас помиловать. Что бы он (хан) ни приказал нам, мы выполним, что бы ни потребовал он от нас, мы все готовы отдать”.

Бахши дал следующий ответ: “Еще до этого по вашей просьбе я бывал у хана несколько раз и несколько раз давал ему обещания, что данные им (ханом) вам поручения будут вами выполнены. Но вы не слушали моих слов и не выполняли данных мною обещаний. Теперь мне не поверят, так как я обещан. Послушав вас, я в конце концов также стал злодеем. Я стыжусь теперь появиться перед начальниками высочайшего двора. Поэтому вы сами сообразите, как выйти из положения и сами же решите, как вам поступить. А я с вами соглашусь”.

После этих слов бахши, все йомуты с плачем стали просить его, чтобы он отправился к хану (Хивы) и просил у него за них прощения, дав хану обещание, что они выполняют все его приказания. Так как они просили весьма настойчиво, бахши вынужден был исполнить их

желание. Взяв себе в попутчики около двадцати-тридцати человек почтенных йомутских старшин, он отправился в Хиву. В воскресенье двадцатого дня месяца сафара (1284 г. х. - воскресенье 23 июня 1867 г.) бахши прибыл (в Хиву) и через приближенных хана выразил просьбу о прощении их преступлений. Хан по своему великодушию даровал им прощение. Кроме того, он (хан) сказал им: “Если ваши слова искренни, то переселите в качестве заложников несколько ваших семей в город, а затем отправляйтесь обратно и узнайте точно, насколько искренни слова остальных йомутов, и кем они хотят быть— подданными (моими) или врагами. Если они тверды в своем слове и изъявляют свою покорность (Хиве), приведите ко мне их знатных и известных старшин, дабы я мог оказать им свою милость и поручить им службу”.

Они (старшины) с радостью приняли эти слова и повеления хана, после чего некоторые из них остались в городе, а другие отправились в свои аулы (оба) и переселились затем (в город) со своим родом, семьей, женами и детьми. Когда это увидели остальные мятежники, дурные наклонности взяли у них верх, и они, боясь ханского гнева, сговорились между собой, и все вместе решили переселиться в сторону Ильялы. Однако, большинство рода (тирэ) ошак и некоторые из других родов, еще раньше изъявившие свое желание покориться хану, не присоединились (к уходящим). Не желая покинуть своей родины, они все поселились в одном месте с тем, чтобы верно служить хану. Все прочие йомутские племена, став союзниками мятежников, переселились в сторону Ильялы. Цели и намерения их (мятежников) заключались в том, чтобы по прибытии в окрестности указанной крепости, захватить здесь силой посеvy населения и тем самым насытить свой голодный желудок, а затем попытаться напасть на самую крепость и, если хватит сил, овладеть ею. После этого они предполагали разграбить имущество и посеvy местного населения, а затем отправиться в окрестности Куба-тага или Юмри-тага, на берегу реки Джейхун (Аму) и, обосновавшись там, заняться набегами и грабежом хивинского населения. Таким путем они думали добиться ослабления могущества и разрушения вековечного (хивинского) государства (стихи). Короче говоря, все йомутские мятежники, покинули границы Ак-сарая и Муз-кумгана, являвшихся давнишним их местопребыванием, и со всем своим населением отправились по направлению к Ильялы. Прибыв в окрестности этой крепости, они, подобно голодной саранче, стали разорять посеvy местных жителей. Несколько ранее сюда, по приказанию хана, прибыли вельможи Акым Нияз-аталык, Абд-ур-Рахман-серхенг и Абдулла-мехрем с отрядом войск, группой фальконетчиков с пушкой и в течение уже некоторого времени занимались здесь охраной посеvов. Когда здесь появились йомутские мятежники и, расположившись среди пашен, на четверть фарсаха к западу от крепости, стали заниматься разбоем и грабежом, то упомянутые начальники ежедневно со всей своей конницей выезжали из крепости и упорно бились с мятежниками. Они (хивинцы) каждый день при помощи своих пуль снимали с коней по несколько человек мятежников, а лошадей их забирали себе. Этим путем, по истечении некоторого времени, храбрецы (хивинцы) заставили мятежников держаться в отдалении от посеvов. Однако после того, как из окрестностей прибыли и присоединились к (йомутам) аламанчики из других туркменских племен, их скопище до того увеличилось, что уже не поддавалось учету. После этого они (мятежники), выступая ежедневно, без всякого страха стали уничтожать окрестные посеvy. Военачальники уже не могли выходить из крепости и сражаться с мятежниками, о чем они довели до сведения хана. В это время в окрестностях Ташауза находились Мухаммед Якуб-мехрем, Абдулла-мингбаши, Хавз Нияз-мехрем и Абд-ур-Рахман Суфи-топчибаши, которые с отрядом своих войск и группой фальконетчиков охраняли окрестности указанной крепости. Когда весть о положении в Ильялы дошла до слуха хана, вышеупомянутым начальникам приказано было отправиться из Ташауза в Ильялы для отражения мятежников. С получением ханского приказа

Мухаммед Якуб-мехрем, Абдулла-мингбаши, Хавз Нияз-мехрем, Абд-ур-Рахман Суфи-топчибаши, вместе с находящимися в их подчинении войском, фальконетчиками и пушками, в конце месяца сафара (1284 г. х. — начало июля 1867г.), выступили из Ташауза и прибыли в Ильялы. За крепостью Ильялы, в том месте, где раньше находился Куня-баг (“старый сад”), они вырыли окопы и расположили в них свое войско. Делая ежедневные вылазки из окопов, они совершали смелые нападения на мятежников и, поражая многих из них ружейным огнем и стрелами, отгоняли таким путем от пашен. Иногда вся конница мятежников, собравшись вместе, подступала к окопам (хивинцев) и вызывала их на бой, издавая боевые крики. В свою очередь храбрецы (хивинцы), выходя из окопов, вступали с ними в бой, и, убивая каждый день по-многу людей, наносили большой урон войску мятежников (стихи). Словом, день за днем сражения усиливались. В такой упорной борьбе прошло известное время. Через некоторое время шпионы-разведчики доставили сообщение, что все мятежники, собравшись вместе, единогласно решили переселиться (в другое место) со всеми своими женами, детьми и близкими и что с этой целью они на заре должны будут пройти с восточной стороны крепости. Но так как намеченный мятежниками путь лежал на четверть фарсаха к северу от окопов победоносного войска, а другим путем они не могли пробиться даже силой, то военачальники, осведомившись о планах мятежников, в ту же ночь созвали совет, на котором была решено преградить (отступающим) путь. Оставив свое лагерное имущество в окопах и захватив с собой пушку, много землекопов и всю конницу, (хивинцы) на заре прибыли туда, где должны были проходить мятежники, и стали рыть здесь окопы с тем, чтобы воспрепятствовать проходу (туркмен) на восток от крепости. Узнав об этом, мятежники собрали всю свою конницу и с шумом и криком стали толпою наступать на победоносное (хивинское) войско. Таким путем мятежники думали вовлечь (хивинцев) в бой и не дать им возможности вырыть окопы на пути следования. Возможно даже, что они (мятежники) думали подавить их своей силой. Напав с такими намерениями на победоносное войско, (йомуты) окружили его со всех сторон и стали храбро сражаться. Богатыри из победоносного войска в свою очередь вступили с ними в стычку и дрались, как львы (стихи). Численность войска мятежников была настолько велика, что они заняли всю степь. Победоносное войско было так малочисленно, что со всем своим вооружением и имуществом могло поместиться в земляном укреплении, размером в один танап. Несмотря, однако, на свою крайнюю малочисленность, они (хивинцы) до полудня оказывали упорное сопротивление многочисленным мятежникам и многих из них перебили. После полудня они (хивинцы) поневоле вынуждены были податься назад и, медленно отступая, приблизились к своим начальникам, находившимся в том месте, где начали рыть, окопы. Видя это, мятежники еще с большим усилием и смелостью кинулись на победоносное войско. В это время Абдулла-мингбаши, Хавз Нияз-мехрем и начальник артиллерии (топчибаши) Абд-ур-Рахман Суфи, перебросив быстро вперед фальконетчиков, артиллеристов и пеших стрелков, приказали им открыть огонь. Сами они (военачальники) так же, не считаясь с опасностью, бросились в бой. В этом бою особенно отличился своей постоянной, храбростью Мухаммед Якуб-мехрем (стихи). Видя, что йомутские мятежники дерзостно и бесцеремонно подходят близко к победоносному войску, (Мухаммед Якуб) приказал фальконетчикам и артиллеристам усилить огонь, а сам во главе группы храбрецов с боевыми криками ринулся на поле битвы, мужественно сражаясь до времени намаза “аср” (около 4 часов пополудни) и, перебив многих мятежников, он расстроил их ряды и нанес им поражение. Мятежники, не выдержав его напора, обратились в бегство и, находясь в весьма плачевном состоянии, направились к своему становищу. Победоносное (хивинское) войско и высокие вельможи во главе с Мухаммед Якуб-мехремом остались очень довольны своей победой, доставшейся им по милости всевышнего бога, над столь многочисленным врагом (стихи). В этой битве, закончившейся поражением

мятежников, последние потеряли около 60 человек убитыми и больше 60 человек тяжелоранеными. Со стороны победоносного (хивинского) войска погибло лишь три человека и два человека получили ранения, но в скором времени выздоровели. В виду того, что окопы в новом месте, вследствие начавшегося боя, не были вырыты подобающим образом, военачальники нашли, что оставаться здесь на ночь нельзя, и поэтому (войска) вернулись в свои укрепления вблизи крепости Ильялы и провели ночь здесь в своем коше. Мятежники, узнав о том, что они (хивинцы) вернулись на свою прежнюю стоянку, снялись со своими семьями и всеми сородичами и на заре, перейдя на восточную сторону крепости Ильялы, расположились в Кара-Мазу, в двух фарсах от крепости Ильялы. Эта местность находилась вблизи посевов племени карадашлы. Мухаммед Нияз-ясаулбаши, во главе чоудорского войска, также прибыл туда и присоединился к ним. Что касается Якуб-мехрема, то он, по совету вельмож и военачальников, оставил, для охраны Ильялы Абд-ур-Рахмана-серхенга и Абдулла-мехрема с находящимися в их ведении пушками, фальконетами и нукерами, а сам вместе с находящимися при нем военачальниками и со всем войском отправился по следам мятежников, скопище которых в это время уже расположилось в Кара-Мазу. Якуб-мехрем вместе со своим победоносным войском, подошел к мятежникам на такое расстояние, что можно было видеть очертания их лагеря. Остановившись на одном месте, он велел вырыть окопы вокруг своего лагеря, и, начав артиллерийский обстрел противника, положил этим начало сражению. На следующий день к Якуб-мехрему явились два человека (из йомутов) и, выразивши свое раскаяние по поводу совершенных ими преступлений, просили его заступничества перед ханом. Они (представители мятежников) сказали, что: “Если вы проявите свое милосердие и дадите нам обещание идти к хану и просить за нас прощения, мы пойдем обратно и приведем к вам всех йомутских старшин. Это является мнением всех йомутских старшин. Однако, пока мы не вернемся сюда, прикажи прекратить бой и стрельбу из пушек”.

Якуб-мехрем, приняв их просьбу и дав обещание просить перед ханом о них прощения, отправил их обратно, а храбрым своим войскам приказал прекратить бой. Однако мятежники не вернулись. Якуб-мехрем, воздержавшийся в течение трех дней от битвы, понял, что это было хитростью мятежников, рассчитывавших иметь два-три дня передышки. Поэтому Якуб-мехрем снова приказал победоносному войску возобновить артиллерийский бой. Кроме того, он каждый вечер вместе с некоторыми бойцами, пользуясь темнотой, подтаскивал пушку ближе к стоянке (оба) мятежников и при помощи искусных артиллеристов обстреливал неприятельский лагерь, беря прицел на самую середину скопища мятежников. Разрушая таким образом много домов (уй), убивая и калеча многих людей, он наводил панику и ужас в стане мятежников, (особенно) среди женщин и детей. А затем, пока мятежники приходили в себя, бойцы (хивинцы) быстро откатывали пушку обратно к своим окопам. Словом, в течение некоторого времени битва продолжалась днем и ночью, день ото дня усиливаясь. В силу счастья и могущества его величества, победоносное (хивинское) войско от этих боев не понесло большого ущерба. Зато из мятежников ежедневно погибало много людей и многие получали ранения. В конце концов мятежники вынуждены были оставить Кара-Мазу и переселиться к пашням племени карадашлы, с тем, чтобы уничтожить их посевы, а затем, разграбив их имущество и забрав их жен и детей, добраться до берега реки. (Увидев это), люди из племени карадашлы бросили свои посевы, и собравшись в двух местах, окружили себя окопами, а Хаким Нияз-аталык и Махмуд Нияз-ясаулбаши занялись их охраной. Мухаммед Якуб-мехрем, выйдя из своих окопов и преследуя мятежников, прибыл в Кара-Мазу и, вырыв здесь окопы, расположил в них свой лагерь. Мятежники стали совершать нападения то на окопы Мухаммед Якуб-мехрема, то на окопы Хаким Нияз-аталыка и Махмуд Нияз-ясаулбаши, ведя упорные бои. Однажды вечером все конные и пешие мятежники подошли к окопам Хаким-аталыка и со

всех сторон с боевыми криками бросились на укрепления. Перейдя в некоторых местах окопы, они своими шашками и пиками стали наносить удары защитникам. Близок был момент, когда мятежники должны были овладеть окопами. Однако в этот момент Хаким Нияз-аталык и Махмуд Нияз-ясаулбаши пустили в ход пушки и фальконеты и оказали (йомутам) героическое сопротивление. С помощью покоряющей силы его величества (хана), они многих из мятежников уничтожили, многих ранили и отогнали подальше от окопов. Такие упорные бои повторялись по несколько раз в день. Мятежники продолжали совершать нападения на окопы Хаким Нияз-аталыка, Махмуд Нияз-ясаулбаши и племени карадашлы. Цель (мятежников) заключалась в том, чтобы захватить окопы и пробить дорогу себе к берегу реки, так как окопы были вырыты на пути мятежников и препятствовали их переходу.

О прибытии по ханскому приказу Мухаммед Нияз-диванбеги к племени карадашлы для оказания помощи победоносному войску и о его сражении с йомутскими мятежниками. В виду того, что войско мятежников, вследствие своей многочисленности, все больше и больше брало верх, а победоносное (хивинское) войско, в виду своей малочисленности, стало ослабевать, военачальники, сговорившись между собою, отправили к хану письмо, где сообщали о своем (затруднительном) положении. Когда весть об этом событии была доведена до хана, он, по совету своего дяди — принца (шах-заде) Сейид Махмуда, решил послать на помощь войскам храброго Мухаммед Нияз-диванбеги с одной пушкой, группой фальконетчиков и отрядом войск. Упомянутый Мухаммед Нияз-диванбеги, на основании ханского приказа, в понедельник 20-го числа месяца раби I 1284 г. х. (22 июля 1867 г.) вместе с вверенным ему войском и артиллерией отправился в путь. Через три дня он прибыл к месту расположения племени карадашлы и остановился на одном удобном месте, на расстоянии около половины фарсаха на восток от окопов Хаким Нияз-аталыка и Махмуд Нияз-ясаулбаши и на четверть фарсаха от становища (оба) мятежников. Расположившись здесь, он велел вырыть окопы с тем, чтобы препятствовать движению мятежников и не давать им возможности подойти к берегу реки. Таким образом мятежники, блуждая в этой местности и перенося мучения голода и жажды, вынуждены были раскаяться в своих делах и явиться с покорностью (к хану). Однако они, вскоре заметив появление Мухаммед Нияз-диванбеги с его войском и увидев сооружение окопов, преграждающих им путь, всем скопищем выехали со своей стоянки и с шумом и криком подступили к окопам. Выстроившись в боевой порядок, они стали гарцевать перед окопами и несколько раз подходили близко к линии рва. Тем временем Мухаммед Нияз-диванбеги в свою очередь выставил храбрецов на линию рва и, заняв крепкую позицию в одном подходящем месте, приказал победоносному войску вступить с мятежниками в бой, а артиллеристам — открыть огонь по противнику. Храбрецы (хивинцы) тот же час вступили в бой с мятежниками, а ловкие артиллеристы засыпали врагов ядрами, наводя на них ужас. Словом, в этот день произошел настолько сильный бой, что земля и небо пришли в изумление (стихи). В этот день мятежники, в силу своей многочисленности, вот-вот должны были победить победоносное (хивинское) войско. Однако, благодаря энергии Мухаммед Нияз-диванбеги, они все же были разбиты победоносным войском и прогнаны к своему становищу (оба). Мечом богатырей (хивинцев) и огнем их пушек и фальконетов в этом бою было убито и ранено много мятежников. Со стороны же победоносного войска только три-четыре человека получили легкие раны, а остальные не понесли никакого ущерба. На следующий день мятежники, придя снова все скопом в полном боевом порядке, стали еще упорнее сражаться с победоносным войском, но после долгой битвы потерпели поражение и вынуждены были отступить к своему лагерю. Словом, они (йомуты) каждый день завязывали бой (с хивинцами), нападая то на окопы Якуб-мехрема, то на окопы Хаким Нияз-аталыка и Махмуд Нияз-

жасаулбаши, то на окопы Мухаммед Нияза-диванбеги. Но так как в это время наступила сильная жара, и от ее действия стали погибать дети и жены мятежников, изнуренных к тому же еще голодом, они (йомуты), чтобы пробить себе дорогу к берегу реки, продолжали совершать нападения на упомянутые окопы. Ведя день ото дня сильные бои и самоотверженно сражаясь, они (йомуты) стали одерживать победу над победоносным (хивинским) войском.

Об отправлении Мухаммед Мурада-диванбеги для истребления мятежников, его прибытии в Кенегес и устройстве им здесь укреплений, а также о прибытии Мухаммед Якуб-мехрема из Кара-Мазу, присоединении его (к Мухаммед Мурад-диванбеги) и поражении мятежников. После того, как мятежники, желая пробиться к реке, стали нападать на победоносное (хивинское) войско и, благодаря своей многочисленности, начали брать верх, (хивинские) военачальники вынуждены были отправить хану письмо с сообщением о создавшемся положении. Когда это обстоятельство стало известно хану, он повелел лучшему из храбрых своих приближенных Мухаммед Мураду-диванбеги отправиться для наказания мятежников совместно с вельможами Кара-бехадыр-мирабом, Муса-мутевеллием, Худайберген-шигаулом, с одной пушкой, отрядом войск из узбеков и двумястами всадников из йомутов, во главе с Ата-векилем, чтобы преградить путь мятежникам, не давать им возможности пройти к реке и нанести им поражение. Когда последовал этот ханский приказ, Мухаммед Мурад-диванбеги привел в порядок походное снаряжение и в сопровождении вверенных ему военачальников и войска в четверг в конце месяца раби I (1284 г. х. — конец июля 1867 г.) выступил в путь. Достигнув Шах-абада, он здесь остановился. На следующий день, двинувшись снова в путь, он прибыл в Ташауз и, рано утром, в понедельник второго дня месяца раби II (1284 г. х. — 3 августа 1867 г.), выйдя из Ташауза, достиг Кенегеса, через который мятежники должны были пройти к берегу реки. Расположившись здесь, он (Мухаммед Мурад) распорядился вырыть вокруг лагеря прочные окопы, а пушку приказал установить на подходящем месте на краю рва, после чего занялся приготовлениями к бою. На второй день после этого мятежники подошли к окопам Мухаммед Нияза-диванбеги и стали упорно сражаться. Защитники окопов, не имея силы выйти из окопов и принять бой, стали обстреливать мятежников из пушки. Мухаммед Мурад-диванбеги, находясь в своих окопах, услышал гул орудия и понял, что произошло (новое) нападение мятежников. Поэтому он тотчас же отправился вместе с подчиненными ему йомутскими, тазе-конгратскими и узбекскими войсками для отражения мятежников.

Что касается тазе-конгратов, то да будет известно, что их называют также кара-йылгунлы. Что касается происхождения этого племени, то оно берет свое начало от детей рабынь, которые еще в древние времена были освобождены от цепей йомутского рабства. Дети (этих) освобожденных пленниц, умножившись в своем числе, оставались среди йомутов и так же, как последние, занимались земледелием и скотоводством. Впоследствии они также стали сильными и зажиточными. Их ловкие и храбрые молодцы, обнаружив желание и склонность к военному делу и обучившись владеть оружием и лошадью, под руководством остальных йомутских войск и вместе с ними верно и преданно служили бывшим падишахам. Однако йомуты во всяком деле считали себя выше их и питали к ним пренебрежение. Не будучи в силах перенести такой обиды и издевательства, все тазе-конграты вместе явились к покойному Алла-кули Мухаммедхану и, плача, рассказали ему о своем тягостном положении. Хан посочувствовал их горю и поручил одному из своих людей взять их всех из среды йомутов и переселить в отведенном им районе, в местности, называемой Кара-йылгун. Обосновавшись на этом месте, они стали свободно заниматься земледелием и другими своими делами и вести спокойную и благополучную жизнь. Каждая из этих групп носила имя того отделения йомутского племени,

которым она была освобождена от рабства. Оказывая им свою царскую милость, покойный хан (Алла-кули) назначил к ним, с согласия йомутского племени, векиля, бахши, бека и сердара, избранных из их же среды. (Кроме того), хан назначил к ним одного начальника из среды своих приближенных, а племени этому дал название — “тазе-конграт”. Однако, вследствие того, что они жили в Кара-йылгуне, их называют также кара-йылгунлы. Впоследствии это племя обитало в окрестностях Куба-тага. Некоторые из этого племени поддались мятежному настроению и оказались в рядах йомутских мятежников, а другие, живущие у подножия Куба-тага, были покорны (Хиве). Всадники этого племени находились на службе у Мухаммед Мурада-диванбеги, который вышел вместе с ними из своих окопов и отправился для отражения мятежников. Подходя к окопам Мухаммед Нияза-диванбеги, он заметил, что мятежники окружили окопы и ведут горячий бой (с хивинцами). Поэтому он приказал своим храбрецам напасть на мятежников со всех сторон и нанести им поражение, что и было исполнено. Мятежники обратились в бегство и направились к своему становищу. После этого Мухаммед Мурад-диванбеги победоносно вернулся в свои окопы. На следующий день мятежники опять подошли всем скопом к окопам Мухаммед Нияза-диванбеги и завязали бой. Сражаясь отважно, мятежники после упорного боя поставили защитников окопов в очень затруднительное положение. В это время один из защитников окопов, мерген, по имени Катенкли-берды, явился в окопы Мухаммед Мурад-диванбеги, рассказал о происшедшем и сообщил о том, что мятежники в большом количестве подошли на очень близкое расстояние и что мы-де не имеем возможности выйти из окопов и вступить с ними в бой. Услышав это, Мухаммед Мурад-диванбеги отправил Ата-векиля и Нефес-сердара вместе с отрядом войск на помощь защитникам окопов. Когда (посланные) прибыли к окопам и вступили в бой с мятежниками, последние расстроились и в беспорядке обратились в бегство, уйдя на свои становища. В этом бою Нефес-сердар получил рану. Здесь же была ранена лошадь Ораз Мухаммед-бехадыра и еще три-четыре лошади. Со стороны мятежников было пять человек убитых и шесть раненых. Разбив мятежников, посланные войска вернулись обратно на службу к Мухаммед Мураду-диванбеги. После этого военные действия продолжались в таком же духе еще некоторое время. Ежедневно мятежники теряли убитыми пять-шесть человек и пять-десять лошадей. Что касается победоносного (хивинского) войска и его лошадей, то из них, по милости божьей, никому не было нанесено вреда. Впоследствии, когда (хивинское) войско окружило мятежников со всех сторон, оно не давало им возможности выходить для сбора дров и корма для лошадей. От жары и голода дети и женщины (йомутов) стали болеть и умирать. Чтобы выйти из такого затруднительного положения, они (йомуты) решили перейти на южную сторону канала Шах-абада, а затем вместе с тазе-конгратскими мятежниками добраться до (племени) имрели около Куба-тага. Что касается муз-кумганских йомутов, то они решили явиться с повинной к хану.

С этим решением они снялись с территории племени карадашлы, где находилась их стоянка, и отправились к Шах-абаду. Прибыв на равнину (яска) на берегу Шах-абадского канала, носившую название Ике-табан, они расположились здесь. Однако, впоследствии, мятежники, благодаря своим дурным склонностям, изменили свое решение и не перешли через канал. Затем имрели, тазе-конграта и другие мятежники, сговорившись между собой, решили не отпускать муз-кумганских йомутов. Зная, что за ними много преступлений и думая поэтому, что если они даже подчинятся хану, то все равно погибнут от меча возмездия или будут вынуждены обратиться в бродяг, лишенных родины, они решили со всеми своими семействами и имуществом пойти на окопы Мухаммед Мурада-диванбеги и биться с ним до тех пор, пока хватит силы, с тем, чтобы или всем умереть здесь в бою, или же, победив, перейти к реке. С таким решением они на заре снялись и со всем своим имуществом и народом толпою направились к окопам Мухаммед Мурада-диванбеги. В полдень охрана окопов сообщила, что

мятежники всем своим скопищем (оба) идут по направлению к крепости Аман-хана. Эта крепость была покинута [туркменом из племени карадашлы] по имени Аман-хан. Расположена она была приблизительно в полуфарсахе к западу от укрепления Мухаммед Мурад-диванбеги. Услышав это тревожное известие, Мухаммед Мурад-диванбеги из предосторожности сказал находящимся при нем вельможам и военачальникам, что Мухаммед-Якуб-мехрему в данный момент нет смысла оставаться в Кара-Мазу с пушкой и войском и что лучше было бы, если бы он тоже перебрался сюда, ибо тогда мы могли бы объединенными силами выступить против мятежников. После этого он (Мухаммед Мурад-диванбеги), по совету всех вельмож, послал туда конных чоудоров с тем, чтобы они, сняв Мухаммед-Якуб-мехрема с его войском и пушкой из Кара-Мазу, поспешно доставили бы в окопы. Затем (диванбеги) во главе победоносного (хивинского) войска оставил окопы и, прибыв на близкое расстояние к крепости Аман-хана, заметил, что мятежники, подойдя к ее стенам, стали здесь располагаться. Он (диванбеги) тотчас же велел своему отряду вырыть тут же, где они стояли, окопы. Своих верных слуг Худайбергена-шигаула и Юсуф-бая он назначил для форсирования работы по рытью окопов, которые должны были послужить препятствием на пути мятежников и не давать им возможности пройти здесь. Остальных военачальников и войско он направил в бой с мятежниками. Затем он приказал храброму Ниязу-мирзабаши отправиться вместе с Ата-векилем и его конницей к мятежникам и вступить с ними в бой и не дать им возможности пройти мимо (окопов), пока они не будут вырыты. Прибыв на место, Нияз-мирзабаши и Ата-векиль заметили, что мятежники намереваются пройти через канал, расположенный в западной части крепости Аман-хана и принадлежащий племени карадашлы. С этой целью они вышли с западной стороны крепости и направились к одной из равнин (яска). (Хивинцы) тотчас же направились по восточной стороне канала, заняли проход на эту равнину и не давали возможности мятежникам перейти через канал. Мятежники поневоле вынуждены были расположиться на западной стороне канала. После этого они со всеми своими конными и пешими бойцами подошли к равнине и стали обстреливать (хивинцев) из ружей. Богатыри (хивинцы) в свою очередь встретили их ружейным огнем и пиками. После долгой битвы одна из стрел мятежников попала в храброго ошака Артык-бахши из йомутов, который свалился с лошади. Тем временем мятежники, подняв крики и шум и отчаянно сражаясь, подошли к краю равнины. Победоносное (хивинское) войско, по своей малочисленности, вынуждено было немного податься назад. Отойдя на один танап назад, оно остановилось и привело свои ряды в порядок. Тем временем мятежники, перейдя через равнину, подняли труп упомянутого бахши. Тазе-конгратское войско, которое находилось позади победоносных (хивинских) сил, без всякой причины расстроилось и отступило туда, где диванбеги (Нияз Мурад) рыл окопы. В это время у богатырей (хивинцев) кончились пули и порох. Смелый Нияз-мирзабаши стремительно выскочил из окопов и направился к диванбеги (Нияз Мураду). Здесь он нагрузил на лошадь (ябу) пули и порох и поспешно доставил их (войску). В это время в лошадь, на которую были погружены пули и порох, попала пуля мятежников. Богатыри (хивинцы), поделив между собой пули и порох, опять вернулись на поле битвы, и бой стал еще горячее. Бойцы с обеих сторон бились с такой отвагой, какой не встречалось даже во времена Рустема (стихи). Бой затянулся, и ни той, ни другой стороне не доставалась победа. Мухаммед Мурад-диванбеги, который отличался храбростью и энергией, то показывался на своем боевом участке, воодушевляя бойцов, то подходил к отряду, занятому рытьем окопов и своими приятными словами вселял ему силу для скорейшего завершения работы. Словом, сильный бой продолжался далеко за полдень. Во второй половине дня у тазе-конгратских молодцов, находившихся среди богатырей (хивинцев), обнаружилось сочувствие к “туркменству” (туркменлик): они стали колебаться, сражались вяло и даже хотели расстроить ряды и обратиться в бегство. Вследствие этого силы победоносного (хивинского) войска стали

ослабевать, а мятежники дрались все смелее и смелее, и близок был момент, когда, казалось, они вот-вот нанесут поражение победоносному (хивинскому) войску. Однако в это время подоспел Мухаммед Якуб-мехрем с находившимся в его подчинении войском и артиллерией. Отдав приказ о непрерывном обстреле из пушки рядов мятежников, он навел ужас на врага (стихи). До предвечерней молитвы (намаз-и-аср) продолжался упорный бой. Из мятежников погибло много людей и многие были ранены. В конце концов мятежники ослабели и, постепенно отступая, вошли в свой стан. Мухаммед Якуб-мехрем вместе с победоносным войском также вернулся к Мухаммед Мураду-диванбеги, который был занят рытьем окопов. Он (Мухаммед Мурад-диванбеги) продолжал рытье окопов до вечерней молитвы (намаз-и-шам), затем оставил в них Мухаммед Якуб-мехрема со всем его войском и артиллерией, а сам вернулся в свои окопы. В тот же вечер, через три часа после захода солнца, мятежники, узнав о том, что рытье упомянутых окопов еще не закончено и что данный момент является удобным для того, чтобы захватить окопы, двинулись к окопам и издалека стали кричать и шуметь. Защитники окопов, непрерывно обстреливая мятежников из пушек, не подпускали их близко к себе. Мухаммед Якуб-мехрем послал человека к диванбеги (Мухаммед Мураду), чтобы объяснить смысл события, и просил передать, чтобы он (диванбеги), услышав гул пушек, не беспокоился бы, так как мятежники никакого вреда и затруднения создать не могут. Диванбеги, услышав эту весть, успокоился. Хотя мятежники сражались до полуночи, (однако каждый раз), подвергшись пушечному обстрелу со стороны окопов, теряли много людей убитыми и ранеными, вследствие чего они после полуночи вернулись в свой стан. Защитники окопов также успокоились. На заре в окопы Мухаммед Якуб-мехрема прибыл Мухаммед Мурад-диванбеги с находящимся при нем победоносным войском и приказал своим богатырям вступить с мятежниками в бой. Сам он (диванбеги) до позднего вечера руководил работой по рытью окопов, которые еще не были закончены. (Теперь) он их закончил и укрепил. В тот день произошел опять сильный бой; из войска мятежников погибло от пуль пять-десять человек и лошадей. После вечерней молитвы диванбеги опять оставил Якуб-мехрема в тех окопах, а сам отправился к своим укреплениям. На следующий день он (диванбеги) опять прибыл к окопам Якуб-мехрема и, желая вступить с мятежниками в схватку, направился со своими войсками в сторону их скопища. Когда они (диванбеги и его войско) приблизились к каналу карадашлинцев, мятежники также вышли из своей стоянки (оба) и, перейдя на восточную сторону упомянутого канала, выстроились в боевой порядок. Победоносное войско в свою очередь заняло позицию против врага и привело себя в боевую готовность. Бойцы с обеих сторон кинулись друг на друга, и произошел сильный бой. Из мятежников погибло несколько человек, а со стороны (хивинцев) убитых не оказалось. Таким образом, Мухаммед Мурад-диванбеги каждый день выступал из своих окопов и каждый день в этой же самой местности сражался. По истечении некоторого времени мятежники несколько ослабели и больше не осмеливались подходить на расстояние фальконетного выстрела. После этого диванбеги (Мухаммед Мурад) и Якуб-мехрем выставили пушки из окопов и, заняв место в одной части поля, приказали войску вступить с мятежниками в бой. Сами же направили свои пушки в середину скопища мятежников и начали их обстреливать. Ядра перелетали через головы конных и попадали в место расположения мятежников, разрушая многие дома (юрты) и уничтожая людей. Мятежники впали в панику и всем своим скопом — конные и пешие — бросились на арену битвы. Еще до перехода их через канал, диванбеги и Якуб-мехрем из предосторожности вернули пушки в окопы, а сами на конях дрались до позднего вечера. Когда стемнело, бойцы обеих сторон прекратили сражение и направились к своим стоянкам. На следующий день Мухаммед Мурад-диванбеги опять прибыл в окопы Якуб-мехрема и велел всему отряду воздвигнуть искусственное возвышение (серкуб), втащить на него пушки и,

наведя их на скопище мятежников, подвергнуть его обстрелу. Поэтому все войско направилось к тому месту откуда накануне стреляли из пушек. Там находилось какое-то старое строение³. Бойцы натаскали на верх этого строения много бревен, прутьев и земли, благодаря чему образовалось большое возвышение, с вершины которого наблюдатель мог видеть все, что делалось в стане мятежников. Во время этих работ к победоносному войску по берегу канала подошел человек по имени Назар-бай, принадлежавший к числу тазе-конгратских мятежников, находившихся среди йомутов. (Назар-бай) кричал: — “Не стреляйте в меня, я пришел для переговоров с вами от большого племени”.

Здесь находились: богатырь Нияз-мирзабаши, Ата-векиль и Назар-векиль — из йомутов, а также Караджа-мехрем и много тазе-конгратов. Тазе-конграты ответили, что они не подойдут к нему (Назар-баю) близко и не будут говорить, ибо “о них может сложиться плохое мнение”. После этого мирзабаши и Назар-векиль подошли к нему (Назар-баю) на близкое расстояние и перевели его через канал, затем, пройдя около только что воздвигнутого серкуба, привели его в окопы к Мухаммед Мураду-диван-беги и Якуб-мехрему. Они спросили его о цели прихода. Тот ответил (следующее): “Все йомуты раскаиваются в своих преступлениях и изъявляют свою покорность, но их старшины боятся подойти к (вашим) окопам. Если вы их простите, они готовы исполнять все то, что вы прикажете, (так как) сражаться никто больше не может. Однако мы (иногда), в силу необходимости, бываем вынуждены выходить из своего стана за дровами и кормом для животных, а так как ваше войско этому препятствует, то поневоле происходят столкновения. Сделайте милость и простите всех йомутов. Если же нельзя этого сделать, то простите меня и разрешите мне перейти к вам со своим народом, насчитывающим тысячу кибиток”.

Мухаммед Мурад-диванбеги сказал ему, что каждый человек, который изъявит свою покорность и придет сюда, может не опасаться какого-либо ущерба и беспокойства и даже наоборот — ему будут оказаны снисхождение и (всякая) милость. Каждый, кто пожелает прийти, пусть приходит без опасения. Сказав это, он отпустил его обратно. После этого они подняли пушки на сделанную возвышенность и, направив их в сторону мятежников, начали их обстреливать. Продолжая обстрел до полуденного времени, они уничтожили большинство юрт мятежников и навели на них сильный страх. Наконец мятежники, крайне стесненные артиллерийской стрельбой, решили, что, вместо того, чтобы им умирать от снарядов, лучше умереть от меча в открытом бою. Поэтому они со всей своей конницей и пешими выступили из своего стана и стали против победоносного войска, находившегося на берегу канала. Из предосторожности Мухаммед Мурад-диванбеги вместе с Якуб-мехремом вернули пушки в окопы, а сами до позднего вечера упорно бились, воодушевляя бойцов. Вечером (диванбеги) вернулся к окопам и предался покою. На следующий день они (хивинцы) узнали, что мятежники решили бросить свои тяжелые и громоздкие вещи и уйти к Куба-тагу, наметив себе путь между окопами Мухаммед Нияз-диванбеги и Якуб-мехрема, отделенными друг от друга расстоянием в полуфарсаха. Между упомянутыми двумя окопами жил в маленькой крепостце с 30—40 домами некий человек по прозвищу Бенги из племени карадашлы. Начальники нашли необходимым из предосторожности соорудить укрепления (сенгир) вокруг крепости Бенги и поставить в них одну пушку с отрядом войск, образовав таким образом четыре ряда укреплений. После этих (мероприятий) пути мятежников закроются полностью и у них никакого другого исхода, кроме как обратное возвращение на территорию карадашлы, не будет, и таким образом они будут заперты в тех местах, где находятся в данное время. Такое решение казалось приемлемым Мухаммед Мураду-диванбеги, и он послал людей к Мухаммед Ниязу-диванбеги, Махмуд Ниязу-ясаулбаши и Хаким Нияз-аталыку с приказом отправиться в крепость

³ В тексте “там” — строение, стена.

(Бенги), вырыть вокруг нее окопы, соорудить укрепления и оставаться там до окончания работ. Получив это распоряжение, упомянутые военачальники отправились в крепость Бенги и почти до вечера рыли окопы. После намаза “аср” еще до окончания рытья окопов Махмуд Нияз-ясаулбаши и Мухаммед Нияз-диванбеги вернулись в свои укрепления, а Хаким Нияз-аталык с незначительной конницей остался в крепости Бенги. В тот же день йомутские мятежники, узнав о том, что в крепости Бенги роются окопы, решили еще до завершения этих работ напасть (на хивинцев) и разгромить их лагерь. Поэтому во время намаза “шам” Мурад-казы, который в мятежных замыслах считается более упорным, чем остальные, во главе многочисленных пеших и конных йомутов напал на Хаким-аталыка, занятого рытьем окопов и убил несколько человек из числа работающих. Видя это, Хаким Нияз-аталык быстро перебрался в крепость Бенги и приказал фальконетчикам и карадашлинцам обстреливать мятежников из фальконетов и ружей. Своей стрельбой фальконетчики не допускали близко мятежников, а тех, которые подходили ближе, убивали (стихи). Словом, до сумерек битва продолжалась в таком же порядке. Наконец, в Мурад-казы попала пуля, тяжело ранила его, а из людей его погибло десять человек. После этого мятежники расстроились и в беспорядке отступили к своей стоянке. Защитники крепости (хивинцы) также имели возможность отдохнуть. В ту же ночь, во время намаза “хуфтан”, весть о нападении мятежников на Хаким Нияз-аталыка и об отступлении последнего в крепость Бенги дошла до (слуха) Мухаммед Мурад-диванбеги. Когда (диванбеги) об этом услышал, он очень расстроился и сожалел, что Махмуд Нияз-ясаул-баши и Мухаммед Нияз-диванбеги ушли (из окопов), оставив одного Хаким Нияз-аталыка. Считая, однако, нецелесообразным отправляться в окоп самому, он послал туда Ата-векиля с группой бойцов с тем, чтобы они разузнали о происшедшем между Хаким Нияз-аталыком и мятежниками и сообщили бы ему. Им было поручено также оказать помощь (осажденным в крепости). В ожидании их сообщения диванбеги не мог заснуть и сидел в раздумье и печали (стихи). На заре прибыли шейх Шукур-берды, Аид-Суфи, гоклен, и Адина Мухаммед, кучик, которые подробно сообщили Мухаммед Мураду-диванбеги о происшедшем бое и о том, что мятежники, ничего не будучи в состоянии сделать, отступили разбитыми. Услышав эту весть, он (диванбеги) выдал им подарки, а сам довольный и радостный предался покою. На заре он отправился к Хаким Нияз-аталыку и, разбудив людей, велел возобновить рытье окопов. В то время погода была такая жаркая, что все сгорало от солнечных лучей. Не выдержав жары, диванбеги слез с лошади и, сев в тени лафета, послал нескольких лиц для ускорения рытья окопов. Мухаммед Нияз-ясаулбаши также прибыл из своих окопов к диванбеги и оказал помощь в работе. Мятежники держались на далеком расстоянии и близко к ним не подходили. После этого Мухаммед Мурад-диванбеги оставил здесь Мухаммед Нияза-диванбеги и Мухаммед Нияза-ясаулбаши, а Хаким Нияз-аталыка отправил в их окопы. Затем назначив в каждое укрепление стрелков (мерген) и фальконетчиков, сам вернулся через укрепления Якуб-мехрема к себе. Когда было сооружено рядом четыре укрепления (крепких) как стена Александра (Македонского), храбрецы (хивинцы) смело выходили из них и вступали с мятежниками в бой. Оказавшись в безвыходном положении, мятежники стали с плачем издали просить о прощении и заверяли хивинцев в том, что они готовы выполнить с преданностью все, что им прикажут. (Однако хивинцы) не обращали внимания на их слова и день за днем все усиливали свой напор на мятежников. Каждый день из мятежников погибало 10—15 человек и 10—15 коней. Что же касается победоносного войска, то оно не понесло никакого ущерба. Бой с каждым днем усиливался и был доведен наконец (хивинцами) до такой степени, что превзошел все рассказы о подвигах Рустема⁴.

⁴ Далее автор говорит, что для подробного описания всех событий, какие произошли в этот промежуток времени, потребовалось бы очень много писцов и очень много времени, поэтому он описал лишь те из них, которые ему были под силу.

Когда (хивинцы) узнали, что некоторые лица из племени чоудоров тайно привозили и продавали мятежникам зерно, они им запретили это, благодаря чему мятежники подверглись мучениям голода. Кроме того, победоносное войско, преследуя мятежников со всех сторон, стало истреблять тех из них, которые выходили за топливом и зерном. Таким образом мятежники, неся сотни и тысячи жертв, не могли получить ни топлива ни хлеба. В довершение ко всему жара день за днем все усиливалась и в конце концов совершенно обессилила мятежников. Путь спасения был прегражден им со всех сторон и надежда на жизнь потеряна. Им ничего не оставалось, кроме раскаяния и изъявления покорности перед военачальниками. Наконец Сары-сердар и Клыч-оглы в сопровождении нескольких лиц из йомутов подошли к краю окопов Мухаммед Нияза-диванбеги и, остановившись на далеком расстоянии, стали кричать, чтобы к ним подошел чоудор ходжа Мухаммед-юзбаши, через которого они желают передать несколько слов. Мухаммед Нияз-диванбеги послал ходжу Мухаммеда-юзбаши вместе с Пена-кулем-юзбаши узнать и сообщить ему об их намерении. Когда посланные подошли к мятежникам, те обратились к ходже Мухаммеду-юзбаши и, плача, стали говорить ему, что так как он сам происходит из туркменского народа, то пусть он сжалится над ними и заступится за них и что они готовы принять все, что им прикажут. Если разрешат нам придти (говорили они), то мы сами придем и расскажем о своем положении и желании. Ходжа Мухаммед-юзбаши и Пена-куль вернулись к Мухаммед Ниязу-диванбеги и рассказали ему то, что слышали от мятежников. После этого Мухаммед Нияз-диванбеги отправился к Мухаммед Мураду-диванбеги и сообщил ему о слышанном. Мухаммед Мурад-диванбеги сказал, — что если они сейчас придут, то пусть идут и расскажут все, что они желают рассказать. Затем Мухаммед Мурад-диванбеги вернулся в свои окопы. На следующий день Сары-сердар в сопровождении имрели Актиш-бехадыра опять прибыл в окопы Мухаммед Нияза-диванбеги, который, выслушав его, отправился к Мухаммед Мураду-диванбеги и рассказал о слышанном. Диванбеги сказал: “Пошлите человека и сообщите, чтобы они пришли сюда. Посмотрим, что за люди и что они хотят”. Ясаулбаши сразу же послал человека, который и привел Сары-сердара и Актиша. Мухаммед Мурад-диванбеги спросил о цели их прихода. Мятежники после выражения своей покорности сказали, что они действительно поняли ошибочность своих поступков и пришли с искренним раскаянием в своих преступлениях. “Если теперь вы простите наши прегрешения,— сказали они,— то мы готовы принять и выполнить все ваши пожелания. Подобно тому, как все йомуты, оставшись на границе Муз-кумгана приняли ваше подданство, вернули всех пленных, которые находились у них, заплатили по 12 тилля с каждого дома и выдали лиц, затребованных вами в виде заложников, мы со своей стороны сделаем то же самое, что и они, и даже больше, на сколько позволят наши силы”.

Когда они закончили свою речь, диванбеги, обратившись к Сары-сердару, сказал: “Если вы дадите заложников, то выдайте из окузского рода (тирэ) Мехди-сердара; из салаков заложите себя или одного из своих братьев; из ошаков — Асгар-бехадыра и Мулла Атабая. Кроме того, выдайте из каждого рода (уруг) известных и знатных людей, подобных этим; из имрелинцев переселите с семьями людей, вроде Карлы-куля и Нур Мухаммед-кули. После этого, согласно повелению хана, мы дадим вам ответ. Муз-кумганские йомуты должны отправиться в Муз-кумган, имрелинцы в Ильялы, а кара-йылгунлы в Куба-таг; ни один человек из кара-йылгунлы не должен идти в Ильялы или в Муз-кумган и, наоборот, никто из муз-кумганских йомутов не должен идти в Ильялы или к Куба-тагу и, наконец, никто из имрели не должен идти в Куба-таг или в Муз-кумган”. Сары-сердар, выражая свою покорность и от души принимая эти слова, сказал: “Мы также имеем к вам одну просьбу, которая заключается в том, чтобы вы не брали в свой многолюдный лагерь семейства заложников, а отпустили бы их пока на свои кочевья и взяли бы потом (когда все успокоится)”.

Диванбеги принял их просьбу и сказал: “Если так, то приведите их самих и пусть они идут с нами вместе в город (Хиву), а семейства свои они могут переселить с их кочевий уже после”. Сары-сердар, тронутый такой любезностью, еще раз выразил свою покорность и отправился обратно. На следующий день он прислал салака Яхши Мухаммед Пехлевана и своего младшего брата Менгли-Ади-сердара, через которых просил, чтобы этой ночью дали им возможность устроить совещание со старшинами с тем, чтобы на следующее утро они могли явиться с остальными заложниками. Он просил также, не совершать на них до утра набега. Диванбеги согласился и запретил людям совершать набеги. Когда прошла эта ночь, на утро пришло сообщение, что скопище мятежников расстроилось, и каждый человек, каждое племя, заботясь лишь о себе, готовится к бегству. Подробности этого события заключаются в следующем: вернувшись от Мухаммед Мурада-диванбеги, Сары-сердар передал слова (хивинцев) о том, что после выдачи заложников каждому племени будет разрешено отправиться на свои места. Туркмены, которые с некоторого времени находились, подобно узникам, в крайне горестном и тяжелом положении, как только услышали эти слова, сочли их за милость и воскликнули: “Если у них желание получить заложников, то мы все являемся заложниками. Но, чтобы собрать и выдать заложников, нам пришлось бы находиться здесь еще три-четыре дня, между тем как мы ни одного часа не в силах здесь оставаться. (Ведь) мы столько времени боялись за свою голову, не имели возможности идти на свои места, терпя здесь столько мучений”. Сказав это, они еще ночью же покинули свой лагерь, и каждое племя пошло в разные стороны.

Ата Мурад-хан, являвшийся одним из наиболее злых и жестоких мятежников, уже в течение нескольких лет живший с группой бунтовщиков в Кызылджа-кала, на восток от Эренг-кыра, незадолго перед этим прибыл с двумястами пеших стрелков на помощь мятежникам и вошел в их скопище. (Теперь) он забрал с собой около двухсот семейств самых злостных мятежников и, заставив их следовать за собой, бежал с ними по направлению к крепости Кызылджа. Муз-кумганские йомуты, желая попасть в Муз-кумган, отправились по направлению к Кара-Мазу; племя имрели, желая попасть в Ильялы, также направилось в сторону Кара-Мазу, и, наконец, тазе-конграты, желая идти в Куба-таг, пошли в сторону окопов Мухаммед Мурада-диванбеги. На заре об этом узнал Мухаммед Якуб-мехрем и в сопровождении Юсуф-бая отправился к скопищу йомутов. Прибыв туда, он заметил, что каждый (из мятежников) спешит в путь, заботясь лишь о себе, и каждое племя в панике идет в разные стороны. Пробыв здесь немного, Мухаммед Якуб-мехрем отправился в обратный путь. В это время Мухаммед Мурад-диванбеги также ехал к скопищу йомутов. Приближаясь к каналу карадашлы он встретился с Якуб-мехремом, который доложил диванбеги, что идти к стоянке мятежников незачем и что лучше отправиться отсюда обратно в окопы и обсудить там положение этого превратившегося в скитальцев (туркменского) народа. Если вы не вернетесь и останетесь здесь, то (возможно, что) некоторые из окружающих вас войск выйдут из повиновения и займутся грабежом и расхищением имущества йомутов и пленением их жен и детей. Диванбеги нашел эти слова благоразумными и вернулся обратно в окопы Якуб-мехрема. Событие это случилось в понедельник 18-го дня месяца раби II (1284 г. х. — понедельник 19 августа 1867 г.). В тот же день Мухаммед Мурад-диванбеги послал Юсуф-бая (в Хиву) для сообщения об этом радостном событии. В этот момент воры и разбойники из среды (хивинского) войска безрассудно стали грабить и расхищать имущество и добро переселяющихся мятежников. Услышав об этом, Мухаммед Мурад-диванбеги приказал Пехлаван Ниязу-мирзабаши отправиться к стоянке йомутов с тем, чтобы оставаться там до выхода племени кара-ыйлгунлы и не давать войску заниматься грабежом и (о происходящем) сообщать ему. Он спешно сообщил также в укрепления Мухаммед Нияза-диванбеги и Хаким Нияз-аталыка, чтобы те не выпускали войско из укрепления, чтобы не препятствовать переселению йомутского и имрелинского народов. В

тот же день во время позднего завтрака Пехлаван Нияз-мирзабаши, узнав о переселении карайылгунлы, помог им переправиться через канал Санаб-ярмыш в сторону Куба-тага, а потом вернулся обратно. В тот же день после обеда йомут Сары-сердар явился к Мухаммед Мурад-диванбеги и просил отправить Якуб-мехрема в Кара-Мазу, чтобы узнать о положении йомутских переселенцев. “В противном случае, сказал он, на них нападет войско и разграбит их имущество и скот”. Диванбеги удовлетворил его просьбу и отправил вместе с ним Якуб-мехрема. Последний, после того как прибыл в Кара-Мазу к йомутским переселенцам и ознакомился с их положением, стал переправлять их в Кара-Мазу на южную сторону Шах-абадского канала. Затем он забрал йомутских и имрелинских заложников, во главе с Билимом и Адина Али-ханом, и отправил их к диванбеги. На следующий день Мухаммед Нияз-диванбеги послал к Мухаммед Мураду-диванбеги человека сказать, что если он (диванбеги) найдет благоразумным, то мы снарядим группу конных для преследования Ата Мурад-хана. Диванбеги Мухаммед Мурад ответил: “Если найдутся люди, желающие преследовать Ата Мурада, то пусть идут, но чтобы они не трогали йомутов и имрели, находящихся в Кара-Мазу”. Таким образом, Мухаммед Нияз-диванбеги назначил группу молодцов из чоудоров, карадашлы и из узбеков для преследования Ата-Мурада, но догнать его не могли. Однако они настигли мятежников, идущих за ним и, забрав более двухсот человек (пленных) и много разного добра, вернулись обратно.

В тот же день некоторые из непокорных (хивинских) отрядов (аламан) напали на йомутов и имрели в Кара-Мазу, несмотря на то, что среди них находился сам Якуб-мехрем. Подойдя с разных сторон, они напали (на йомутов) и стали убивать и грабить их. (Затем), забрав награбленное добро и скот, они удалились. В этот день из Кара-Мазу прибыл Сары-сердар и, плача, рассказал Мухаммед Мураду-диванбеги о насилии войска над их переселенцами. Он (Сары-сердар) сказал, что если-де не пошлете человека и не воспрепятствуете этому, то оно (войско) захватит всех наших жен и детей в плен и разграбит все наше имущество. Мухаммед Мурад-диванбеги присоединил к Сары-сердару Пехлеван Нияза-мирзабаши, сказав ему следующее: “Иди к Мухаммед Ниязу-диванбеги и к Хаким Нияз-аталыку и скажи им, чтобы они не выпускали из окопов войско, а взятых пленных, имущество и скот пусть доставят в окопы с тем, чтобы потом их вернуть обратно. Мирзабаши вместе с Сары-сердаром явились в окопы Мухаммед Нияза-диванбеги и увидели, что Мухаммед Якуб-мехрем, вернувшийся (в это время) из Кара-Мазу, в плохом настроении сидит в коше своего брата Мухаммед Нияза-ясаулбаши. Когда мирзабаши осведомился у него о положении дел, Якуб-мехрем ответил, что он был послан господином диванбеги для охраны перекочевки (коч) йомутов и имрели и для поддержания связи (с диванбеги). (Однако в это время) прибыло множество аламанов, которые убили много людей и, ограбив переселенцев, удалились. Если господин диванбеги не окажет препятствия такого рода набегам и будет позволять войскам идти за мной и совершать набеги, то от моего пребывания среди переселенцев никакой пользы не будет. Мирзабаши сказал, что господин диванбеги об этом ничего не знал, а впоследствии, когда ему стало известно об этом, послал меня в окопы доложить о том, чтобы вы не разрешали отрядам учинять беспорядки. После этого сообщения мирзабаши войску было запрещено всякое насилие над переселенцами. Затем Якуб-мехрем снова прибыл к переселенцам в Кара-Мазу. Мирзабаши вернулся к Мухаммед Мураду-диванбеги и доложил о положении дел. Диванбеги, проявляя великодушие, отнял у некоторых аламанов награбленное ими имущество и вернул его владельцам. Однако много вещей было спрятано, а многое разошлось в разные стороны. Таким образом, большинство йомутского и имрелинского племен лишилось своего скота и имущества и оказалось в состоянии бедности и нищеты. Якуб-мехрем в течение трех дней находился в Кара-Мазу, занимаясь здесь переправой йомутов через Шах-абадский канал и отправкой их в Музкумган. Абдудда-мехрема, который был временным правителем крепости Ильялы, он оставил

для сопровождения племени имрели на свои места и для окончательного устройства их дел, а сам, забрав всех йомутских и имрелинских заложников, а также оставленную в крепости Ильялы пушку, отряд фальконетчиков и Абд-ур-Рахман-серхенга, прибыл в укрепления (сенгир) Хаким Нияз-аталыка. Пушку и отряд, находившиеся здесь, он также забрал с собой. После этого он прибыл в укрепления Мухаммед Нияза-диванбеги, откуда также забрал (войска и артиллерию), а затем явился к себе, снял поставленную здесь пушку и фальконеты, после чего отправился к Мухаммед Мураду-диванбеги. Здесь собрались все военачальники и войска. После того, как Мухаммед Мурад-диванбеги привел в порядок дела йомутов, имрели, кара-йылгунлы и прочих туркменских племен, он в четверг 21-го дня месяца раби II в год зайца, соответствующий 1284 г. х., (22 августа 1867 г.) в сопровождении всех вельмож и военачальников победоносно прибыл в Ташауз, где и расположился на ночлег. (Отсюда послали к хану тридцать человек конных во главе с Рахман-бергенном-эшик-агасы, Атеш-баба-эшик-агасы и йомутом Назар-векилем для извещения о своем возвращении. После восхода солнца детей заложников, явившихся вместе со своими семействами, посадили на подводы и выступили из Ташауза в путь. К вечеру остановились в Кош-копруке. На утро, в субботу 3-го дня упомянутого месяца, он (Мухаммед Мурад-диванбеги) устроил великое пиршество; вельмож, военачальников и храбрецов он одел в златотканые одежды, а также велел устроить скачки. Владельцу коня, опередившего остальных, он подарил несметное количество серебра и золота. После этого они отправились в сторону города (Хивы) и в полдень торжественно въехали в столицу. Все вельможи, военачальники и предводители явились к хану и были им награждены (стихи)⁵.

⁵ Далее речь идет о назначении и приеме послов, а также о торжестве и поздравлениях по случаю победы над туркменами и т. п. В дальнейшей части сочинения, заканчивающегося на изложении событий 1289—1872 гг., упоминаний о туркменах не встречается.